

немало мест, почти дословно совпадающих с соответствующими в его труде. Приведем, к примеру, начало первой авиньонской главы в обоих вариантах:

«Третьего дня приехал я в Авиньон. Не отчаявайтесь видеть в Париже весну; я ее встретил при въезде моем в сию провинцию.

Первое мое желание было видеть Воклюзский источник; я ходил смотреть его вчера. Не знаю, для чего говорю я вчера; мне и теперь еще кажется, что я его вижу; еще кажется и теперь вижу выбегающую из середины гор, как из глубины пространного водохранилища, реку, которая выходит, поднимается и вдруг разливается с таким стремлением, с громом, с таким кипением, пеною, с такими падениями, которых ни кисть поэта, ни кисть живописца никогда не изобразят».⁵¹

«Третьего дня прискал я в Авиньон. Не отчаявайтесь увидеть весну в Париже, я встретил ее при въезде моем в сию область.

Первое мое желание было видеть Воклюзский источник. Я ходил смотреть его вчера. Не знаю, для чего говорю я „вчера”, ибо, кажется, вижу его и теперь.

И теперь, кажется, вижу реку, которая из середины гор вырывается, поднимается, растет и вдруг разливается с стремлением, с громом, с кипением, с пеною, с падениями такими, каковых ни кисть живописца, ни стихотворца никогда изобразить не в состоянии».⁵²

Однако если продолжить сопоставление текстов, то, несмотря на наличие большого числа близких во многих отношениях пассажей, необходимо признать, что речь должна все же вестись не о редактировании Мартыновым текста своих предшественниц, а о новом, сделанном им, переводе. Отмеченное же сходство объясняется, на наш взгляд, тем, что и петербургский литератор, и юные московские переводчицы испытали сильное влияние прозы Карамзина, ставшей для всех них своего рода стилистическим ориентиром. Данное положение, думаю, лучше всего проиллюстрировать на примере из LXVIII письма (отмечу попутно, что Мартынов здесь более верно передает смысл французского «indignation»):

«Резец Полидор трепещет, приближаясь к сей священной главе, и медлит открывать ее; но наконец ободренный самим Аполлоном, он полегоньку пробегает чело, и оно мыслит; дотрагивается до бровей, и очи бросают взор, который преудреждает — стрелу; наконец он проходит уста — и они дышат гневом.

Вот Аполлон Бельведерской, вот мрамор, обращенный в божество одним из сих творческих резцов, кото-

«Резец Полидор дрожит, приближаясь к сей божественной главе, и колеблется открыть ее. Наконец вдохновенный смелостию верно от самого Аполлона, он легонько пробегает его бровей — и из очей вырывается взор, быстрейший стрелы: наконец он проходит по устам — и они дышат негодованием. Вот оной Бельведерский Аполлон! Вот тот мрамор, превращенный в бога, одним из тех творческих резцов, которые, избирая,

⁵¹ Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч. XVII. С. 193.

⁵² Путешествие г. Дю Пати в Италию в 1785 году. Ч. 1. С. 1.